

Рецензии
Reviews

УДК 82-6
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. С. В. Федотова
г. Москва, Россия

**«К ТЕБЕ, С ТОБОЙ, НАЙТИ СЕБЯ ТВОЮ...»:
ОТКЛИК НА НОВУЮ КНИГУ
«А. А. БЛОК – Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК.
ПЕРЕПИСКА 1901–1917 ГГ.» (М.: ИМЛИ РАН, 2017)**

Информация об авторе рецензии: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, доцент, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: luica-th@yandex.ru

Дата поступления: 14.03.2018

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Федотова С. В. «К тебе, с тобой, найти себя твою...»: Отклик на книгу «А. А. Блок – Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг.» (М.: ИМЛИ РАН, 2017) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 371–378.

© 2018. Svetlana V. Fedotova
Moscow, Russian

**“TO YOU, WITH YOU, TO FIND MYSELF BEING YOURS...”:
RESPONSE TO THE BOOK
“A. A. BLOK — L. D. MENDELEYEVA-BLOK.
CORRESPONDENCE 1901–1917 YEARS” (MOSCOW, IMLI RAN Publ., 2017)**

Abstract: The review is to examine a unique edition of A. A. Blok's bilateral correspondence with his wife. Aspects explored are the scientific approaches of compilers and commentators to Correspondence as an integral literary fact, which is of great importance in terms of understanding the phenomenon of “life creation” at the turn of the XX century and the dramatic fate of its participants. Particular attention is paid to communicative strategies of correspondents in the joint production of epistolary discourse in common. The study reveals the role of L. D. Mendeleyeva-Block in formation of the erotic mode of correspondence through the example of examination of signatures and farewell formulas in the letters.

Keywords: A. A. Block, L. D. Mendelejeva-Block, correspondence, “life creation”, “novel in letters”, literary fact, epistolary discourse, signatures, farewell formulas.

Information about the review’s author: Svetlana V. Fedotova — DSc in Philology, Assistant Professor, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: lucia-th@yandex.ru

Received: March 14, 2018

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Fedotova S. V. “To you, with you, to find myself being yours...”: Response to the book “A. A. Block — L. D. Mendeleeva-Blok. Correspondence 1901–1917 years” (Moscow, IMLI RAN Publ., 2017). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 371–378. (In Russian)

Наконец-то вышло в свет долгожданное научное комментированное издание: А. А. Блок – Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг. / редкол. А. В. Лавров (научн. ред.), Е. В. Глухова, Е. В. Бронникова, В. А. Резвый; предисл. Д. М. Магомедова; послесл. Ю. Е. Галаниной; коммент. Ю. Е. Галаниной, Е. В. Глуховой, Е. Е. Чугуновой-Полсон; указат. сост. Е. Е. Чугуновой-Полсон. М. ИМЛИ РАН, 2017. 720 с.

Привести полные выходные данные книги, со всеми фамилиями участников этого масштабного издательского проекта, необходимо не просто ради библиографической полноты описания, но и для того, чтобы назвать поименно всех, кто в течение десяти лет кропотливо, в тиши архивов, трудился над воссозданием целостного литературного феномена. Именно воссозданием, потому что до сих пор мы имели только часть единого эпистолярного «романа» А. А. Блока и Л. Д. Менделеевой-Блок. В хорошо известном 89 томе «Литературного наследства» (1978) по цензурно-идеологическим соображениям представлены только письма поэта к жене. Ее же голос тихо слышался в комментариях, заведомо отводящих ей вторые роли или амплуа невидимого суфлера, подающего реплики, обыгрываемые главным героем. Литературная личность Блока, великого национального поэта, претворяющего искусство в жизнь и жизнь в искусство, несомненно, выступала в односторонней переписке на первый план. И в этом была своя правда — он гений, а не *она*, в какой бы мифопоэтической ипостаси ни представляла в его поэзии. Но против этой правды первой выступила сама Л. Д. Блок в предельно-откровенных воспоминаниях «И были, и небылицы о Блоке и о себе», в которых драма совместной жизни раскрывается не в символистском дискурсе, а, скорее, во фрейдистском, в дискурсе телесности.

Открыв внушительный том нового издания переписки на первой и последней странице, читатель найдет цитаты из этих нашумевших мемуаров, негативно встреченных многими современниками. Вспомним хотя бы негодующую оценку А. А. Ахматовой («Чтобы остаться Прекрасной Дамой, от нее требовалось только одно: промолчать!»). Во вступительной статье Д. М. Магомедовой «Роман в письмах» сразу же затрагивается вопрос о двойственной роли «этой незаурядной женщины» в жизни Блока. С одной стороны, с нею связаны все главные события его душевной жизни, претворенные в целостный автобиографический миф, ее образом вдохновлены важнейшие произведения (начиная от «Стихов о Прекрасной Даме, кончая драмой «Роза и Крест» и последними стихами 1916 г.). С другой — «она же сыграла ключевую роль в демифологизации их взаимоотношений». В доказательство приводится большая выдержка из автографа воспоминаний Л. Д. Блок, «жестко и недвусмысленно» сформулировавшей «причину их семейного разлада» — «крайне ненормально сложившаяся половая жизнь». Замена

плотских отношений аскетическими, по единовластному решению мужа и при отчаянном сопротивлении молодой жены, — вот основная причина их драматических отношений, которые, по мнению мемуаристки, должны быть проанализированы с помощью Фрейда и психопатологов прежде всего.

Это впечатляющее начало разговора о «романе в письмах» настраивает оптику читателя, словно бы подготавливает его к восприятию подлежащей переписки именно в таком ключе, тем более что статья Е. Е. Чугуновой-Полсон. «Об истории сохранения и публикации переписки А. А. Блока и Л. Д. Менделеевой-Блок», завершающая книгу, заканчивается цитатой из тех же воспоминаний: «Если чему я и выучилась у Блока, то это беспощадности в правде. Эту беспощадность в правде я считаю, как он, лучшим даром...». «Теперь осуществлению этой мечты Любове Дмитриевны о “беспощадности в правде” уже ничто не сможет помешать», — с уверенностью подытоживает автор статьи. В двух сильных позициях книги — в начале и в конце — звучит женская «правда», и в этом уважительном отношении к голосу жены Блока, к ее стремлению назвать вещи своими именами и разрушить зону табуированного умолчания о личности поэта, несомненно, одна из принципиальных позиций участников издания. При желании можно усмотреть здесь гендерный подход, весьма актуальный для анализа эротических утопий в русском модернизме. Подтверждает такое предположение и публикация двух листков, составленных Л. Д. Блок не ранее 1930 г. и приложенных к ее мемуарам, которыми заканчивается предисловие к Переписке. Первый из них — перечисление жизненных ошибок, с указанием хронологии. К ним относятся *замужество* (1903), *рождение ребенка* (1909) и *то, что хотели развестись и не развелись* (1907). Второй лист озаглавлен «Радости». «Примечательно, что имени Блока в этом перечне радостей нет, хотя есть природа Шахматова», — констатирует публикатор, и читателю остается понять этот документ как ту самую «беспощадность в правде» о роли Блока в судьбе его жены.

Выдвижение на авансцену Л. Д. Блок совершенно оправданно: единственная из всех возлюбленных поэта, она полностью сохранила его письма, как и переписку его матери, А. А. Кублицкой-Пиоттух, и тетки, М. А. Бекетовой, далеко не лицепрятную для самой себя. Благодаря ее верности памяти Блока, мы и имеем возможность прочитать этот эпистолярный роман, длившийся с 1901 по 1917 г., и осознать его огромную значимость для гуманитаристики.

Исследователи, подготовившие переписку, избегают однозначных оценок, вынесений приговоров и прочих привлекательных для любителей «остренького» приемов. Их основная задача — показать прежде всего человеческое измерение отношений Блока и его жены, их сложные личности, которые почти без натяжки можно спроецировать на героев романов Ф. М. Достоевского. Иными словами, представить в максимально полном объеме драматические, но неизменно нежные и доверительные взаимоотношения «товарищей» в одном из самых странных браков в русской культуре рубежа веков. Совсем не простой вопрос об интимных причинах «непостоянного постоянства» знаменитой супружеской пары предлагается рассматривать на основе документов, свидетельств эпохи и, конечно, в контексте своеобразия русского модернизма, с его воспринятыми от Вл. Соловьева житнетворческими стратегиями, трансформирующими «тексты жизни» в «тексты искусства».

В статье Д. М. Магомедовой заданы векторы научного изучения переписки. Помимо насыщенности биографическими фактами, она является бесценным источником материалов для понимания психологии сложной личности гениального поэта и всей

модернистской эпохи, с ее основными интенциями на жизнотворчество, мистериально-эротическую утопичность, попытки преобразить естество человека, прежде всего сферу пола. Символистский эпистолярный, подобно аналогичным опытам романтиков, является, несомненно, своего рода мифопоэтической и стилистической «лабораторией» поэта. Не менее важно рассмотрение «романа в письмах» и как гибридного жанра, стоящего на границе литературы и быта, как «литературного факта» (Тынянов) и как самостоятельного литературного феномена, вбирающего в себя жанровое разнообразие писем Блока.

Особенно ценными представляются наблюдения о дискурсивных практиках участников переписки. Ведь действительно, если вынести за скобки все историко-филологические знания, читателю, не только профессионалу, но и любителю, в первую очередь будут очевидны эпистолярные стратегии корреспондентов. Необходимость изучения речевого поведения героев, которое менялось на разных этапах их отношений, пожалуй, один из самых веских аргументов в пользу публикации эго-документов такого рода.

Переписка Блока с женой отчетливо делится на два периода: 1901–1903 и 1907–1917 гг. Первый период охватывает события «мистического романа» до свадьбы 17 августа 1903 г., заканчиваясь с возвращением А. А. Блока из-за границы в июне того же года. Второй — вбирает в себя все драматические события после заключения супружеского союза, связанные с взаимными изменами (первой из которых, как известно, был роман Л. Д. Блок с Андреем Белым), бурной эмансипацией Любови Дмитриевны от «функции жены поэта», ее многочисленные отъезды, связанные с театральными гастролями, влюбленностями и т. д. В годы Первой мировой войны супругов разделяют территориально, но связывают эпистолярно исторические события. После революции, в августе 1917 г., они соединяются вновь и вплоть до смерти поэта живут вместе.

Д. М. Магомедова прослеживает изменение стилистики писем корреспондентов в течение этих двух периодов. Самые первые записки выдержаны с обеих сторон в учтиво-официальном тоне. Они связаны с приглашениями на вечера или любительские спектакли. Корреспонденты обращаются друг к другу по имени-отчеству и на Вы, подписывают письма фамилиями или общепринятыми формулами прощания («Л. Менделеева», «Глубоко преданный Вам Ал. Блок»). Тем не менее в личном общении уже на самых первых шагах проявилось то различие дискурсивного поведения молодых людей, в котором, по верному замечанию автора вступительной статьи, «обнажается основа будущей семейной драмы Блока». В неотправленном письме Л. Д. Менделеевой от 29 января 1902 г. она мотивирует необходимость разрыва отношений с поэтом: «Мне вдруг совершенно неожиданно и безо всякого повода ни с Вашей, ни с моей стороны, стало ново до чего мы чужды друг другу, до чего Вы меня не понимаете. Ведь Вы смотрите на меня как на какую-то отвлеченную идею; Вы навоображали обо мне всяких хороших вещей и за этой фантастической фикцией, которая жила только в Вашем воображении, Вы меня, живого человека, с живой душой, и не заметили, проглядели...». Мистико-философский дискурс Блока вызывает резкое отторжение со стороны девушки, чувствующей свою экзистенциальную правду, свое право на самобытность. В своих поздних воспоминаниях Л. Д. Блок, приводя это письмо, комментирует его как «бунт» Прекрасной Дамы. Нельзя не согласиться с Д. М. Магомедовой в том, что девушка протестовала против навязываемой ей роли «в некоем жизнотворческом сюжете, который для нее чужд и непонятен». В этом раннем конфликте отчетливо прослеживается столкновение двух речевых дискурсов, «сакрального» у Блока и «профанного» у Любови Дмитриевны, за которыми стоят различия в понимании смысла и форм любви.

Тем не менее решительное объяснение произошло 7 ноября 1902 г., после чего письма становятся ежедневными. Весь предсвадебный период дает огромное количество материалов для анализа эпистолярных стратегий жениха и невесты, пытающихся найти общий язык, понятный и приемлемый для обоих. Как хорошо известно, ранние письма Блока полны молитвенных обращений к обожествляемой возлюбленной. В этих лирических этюдах в прозе — прототексты «Стихов о Прекрасной Даме». Поэт привлекает весь мировой вокабуляр, пытаясь выразить свое мистическое преклонение перед земным воплощением Божественного. Он жалеет о «невозможности языка человеческого сказать всё, что бессильно вырывается и не может прорваться. Нужны церковные возгласы, новые храмы, небывало целомудренные, девственные одежды, неслыханные, нездешние голоса и такие своды, которым и конца нет». В экстатическом религиозно-мистическом дискурсе Блока любимая девушка почти кощунственно наделяется литургическими предикатами Бога и Богородицы. Примеров сакрализации возлюбленной не перечислить. В неотправленном письме от 5–7 февраля 1902 г. он называет ее «земным воплощением пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности». В письме от 15 ноября 1902 г. пишет: «Ты — мое Солнце, мое Небо, мое Блаженство. Я не могу без Тебя жить ни здесь, ни Там. Ты Первая моя Тайна и Последняя Моя Надежда. <...> Ты — Звенящая, Великая, Полная, Осанна моего сердца бедного, жалкого, ничтожного. Мне дано видеть Тебя Неизреченную. Не принимай этого как отвлечение, как теорию, потому что моей любви нет границ, преград, пределов ни здесь, ни там. И ты везде бесконечно Совершенная, Первая и Последняя». В послании из Германии умоляет верить его любви, характерно ставя в один ряд божественные и земные имена: «Повтори, что веришь всему? Повтори, Искра Божественная, повтори, Дева, Богородица, Матерь Святая! Повтори, Любочка!» (письмо от 6/19 июня 1903 г.). Можно приводить еще много подобных ультраромантических высказываний, но ограничимся этими цитатами. В них отчетливо видна экспансия мистериального дискурса, властное стремление поэта идеализировать Любовь Дмитриевну и «переключить» ее восприятие любовного сюжета в мистический регистр.

Однако переписка свидетельствует, что Л. Д. Менделеева достаточно последовательно противостоит блоковской языковой стратегии. Д. М. Магомедова подчеркивает, что послания невесты «выдержаны в совершенно ином стилистическом ключе». Действительно, она не пытается подражать стилю писем Блока, «никогда не подхватывают религиозной или мистической тематики, стилистики из писем адресата, ее письма остаются “мирскими”».

Если подойти к досвадебному этапу «романа в письмах» с точки зрения теории речевой коммуникации, то, наверное, не будет преувеличением рассматривать его как взаимодействие *непрямого* и *прямого* говорения об эросе. Так, чрезвычайно важно, что после решительного выяснения отношений 7 ноября 1902 г. короткое, но информативное письмо через день первой пишет Любовь Дмитриевна: «Мой милый, дорогой, бесценный Сашура, я люблю тебя! Твоя». Комментаторы приводят характерную позднейшую мемуарную оценку Л. Л. Блок: «Отправленная мной записочка совершенно пуста и фальшива, уже потому, что никогда в жизни не называла я Блока, как в его семье, “Сашурой”». Тем не менее сам текст письма не позволяет воспринимать его только как «фальшивку». Стоит только обратить внимание на подпись. Семантика притяжательного местоимения «твоя» (как и других из этого разряда) связана со значением посессивности (отношения между двумя субъектами или объектами, которое определяется идеей обладания одного из них другим). Смелое употребление местоимения в суб-

стантивной форме, в качестве единственно истинного именованья пищи, выглядит, если можно так выразиться, эротическим жестом страстной женской отдачи любимому человеку. Оно психологически точное, максимально знаковое для перехода на новый виток отношений с возлюбленным — отношений эротических прежде всего. Блок мгновенно улавливает эту интенцию и подхватывает ее. Об этом говорят его формулы прощания в ближайших ответных письмах: «Твой, пока живу, пока дышу, до конца» (12 ноября); «Твой до конца» (13 ноября); «Люблю Тебя. Твой» (14 ноября) и т. д. Он даже эмфатически подчеркивает местоимение как ставшее общим «чужое слово», признавая первенство девушки в нахождении точного языкового воплощения их чаемой полной близости, духовной, душевной и физической.

В целом, досвадебные письма делятся на две группы: меньшая их часть вообще не подписывается отправителями, большая — содержит подпись «Твой» / «Твоя». Можно, вероятно, истолковать это местоимение, настойчиво употребляемое корреспондентами вместо имени, как двуединый «мистико-эротический жест», указывающий на обоюдно признаваемую реальную точку в бытии — невыразимо волнующую точку пересечения их судеб. Но если для Блока на первом плане сакральный компонент, то Л. Д. Менделеевой иницируется прежде всего страстно-эротический модус эпистолярного дискурса, соответствующе интонирующий простоту и непритязательность ее стиля. Прямым подтверждением этому является вырвавшаяся у нее просьба к жениху, который в конце писем иногда употреблял выражения страстного поклонения: «Целую складки Твоего платья» (14 декабря 1902), «Почтительно и страстно целую Твои маленькие, белые руки и Твои золотые волосы» (10 мая 1903), «за Твои письма Твои ноги целую» (4/17 июня 1903), «туфельки Твои целую» (5/18 июня 1903). Но эти утонченно эротичные жесты эпистолярного дискурса не соответствовали сокровенным ожиданиям невесты. Характерно, что в ее досвадебных письмах формула прощания неизменно пассивна: она никогда не использует слово «целую» (за исключением «Поцелуй маму»). Вся любовная энергия концентрируется в субстантивном местоимении «Твоя». В письме же от 9 июня 1903 г. она не выдерживает и почти требует: «Милый, милый мой, ненаглядный, голубчик, не надо и в письмах целовать ноги и платье, целуй губы, как я хочу целовать долго, горячо». Жених с восторгом принимает посыл и в ответном послании пишет: «Обнимаю Твою талию, целую Твои губы, прямо» (22 июня / 5 июля 1903).

О несомненном влиянии Л. Д. Менделеевой на выработку общего эпистолярного дискурса говорит сам поэт в письме от 14/27 июня 1903 из Бад-Наугейма. Называя возлюбленную «гением молчаливой надежности», он пишет: «Ты, кроме утверждения прочности нашей будущей жизни (ведь это канва — и всё остальное с этим не страшно), делаешь для меня великую вещь: “опрощаешь” меня». Не тут ли начало пути «воочеловечения», который впоследствии станет магистральным в его автобиографическом мифе?

Таким образом, диалогичность предсвадебных писем Блока проявляется в проникновении в его спиритуалистический дискурс страстно-эротических интонаций, выражений и намеков, вполне откровенно соответствующих томительному ожиданию невесты (см., например, письмо от 31 мая / 13 июня 1903). Высокая поэзия языка страсти не могла не воздействовать на эмпатийное прочтение этих строк девушкой, на ее представление о семейном блаженстве. Первая глава «романа в письмах» обрывается, когда поэт возвращается из-за границы. Дальнейшее мы знаем из мемуаров разочарованной Любви Дмитриевны («Отвергнута, не будучи еще женой»).

Показательно, что с первых шагов аскетически-бесплотной семейной жизни супруги создают новый язык, «домашний», отражающий чистоту и детскость их взаимоотношений. «Прежде всего это сказывается на номинации участников переписки (Люба – милая – Буся – Бу – Заяц, Зайц, Зайчик – Зайчик // Саша – милый мой – хозяин) и в обращениях, и в самоназваниях», — пишет Д. М. Магомедова, тонко замечая, что шуточный «домашний» язык «оказывается в переписке и в реальной семейной жизни Блоков неизменным средством, позволяющим уходить от драматического напряжения во взаимоотношениях. <...> Если домашний язык сохранен, значит, сохраняется и возможность продолжения общей жизни». В рецензируемой книге этому языку посвящена также интересная статья Ю. Е. Галаниной «Записки и рисунки А. А. Блока», в которой рассматривается светлый юмор поэта, воплощенный в шуточных рисунках, ставших одним из средств его творческого самовыражения, а также способом общения супругов в течение долгого времени.

Конструктивное замечание Д. М. Магомедовой применимо и к анализу изменения подписей и формул прощания в письмах разных лет. Несомненно, эта тема заслуживает отдельного серьезного разговора, но предварительно вырисовывается следующая картина. Выработанный совместно до венчания эпистолярный дискурс кардинальным образом меняется на втором этапе переписки. Бросается в глаза полное исчезновение мистического языка Блока. Общение переходит в «земной» план, по конкретным поводам, и чаще всего он связан с отъездами Любови Дмитриевны на гастроли или ее любовными увлечениями. «Роман в письмах» из романтического и мистического переходит в реалистически-психологический. Меняется речевое поведение корреспондентов. Позиция жены чаще всего активна, она риторически поддерживает любовь к мужу, который «отпустил ее на свободу». Риторически не значит неискренно, но можно согласиться с определением автора вступительной статьи: о своей любви Любовь Дмитриевна «твердит от письма к письму». Где бы и с кем бы она ни была, ее послания неизменно заканчиваются «поцелуями», которые выглядят вполне «формульными», ритуальными, восполняя отсутствующие в реальности эротические жесты. В письмах поэта, наоборот, за редким исключением полностью отсутствует «целование», его тон сдержан, заботлив, почти всегда нежен, хотя в критические моменты окрашен нотами тоски и страдания от одиночества.

Установившиеся после свадьбы отношения милого «товарищества», шутливой детскости и ушедшего в подтекст разочарования в мечте о счастливом браке ярче всего проявляются в подписях писем. Динамика их изменения свидетельствует о нарастающей отчужденности. Исчезает в первую очередь принятая раньше форма субстантива притяжательного местоимения «Твой» / «Твоя». Сначала его употребление в письмах Л. Д. Блок переходит в стандартную языковую конструкцию, смягченную домашним именованием (*Твоя Буся*), затем от этого имени остается начальная буква (*Твоя Б.*, *Твоя Л.*), гораздо чаще встречается отстраненно-объективированное «Люба», в последние же годы устойчиво используются инициалы (*Б.*, *Л.*, *Л. Б.*), выступающие чистыми знаками присутствия. Аналогично ведет себя Блок, подписываясь сначала *Саша*, *Твой Саша*, но чем дальше, тем чаще — *А.*, *А. Б.* В письме от 12 ноября 1912, где он просит жену, увлеченную новой любовью к К. К. Кузьмину-Караваеву, оставить домашний язык, встречаем даже полную официальную подпись отчужденного характера: *Александр Блок*.

Однако в переписке есть один момент, озаменованный рецидивом обращения к ранней подписи. Инициатором опять выступает Любовь Дмитриевна, впервые пере-

живающая счастье в любовных отношениях с актером К. Давидовским. Судя по содержанию писем, зарождение нового чувства воскрешает в ней, очевидно, по контрасту, память об идеальной любви юности. В ее февральские и мартовские послания из гастрольных городов, намекающие на новый роман, возвращается подпись «Твоя». Затем следует письмо от 24–30 марта 1908 г., в котором она пишет мужу: «...жить нам вместе кажется невозможно» и характерно подписывается «Люба». Угроза развода вызывает мучительную тревогу Блока. Далеко не случайно многие его ответные письма в апреле–июле подписываются заветным кодовым словом «Твой». Даже не зная, что конкретно сообщают друг другу супруги, трудно не понять, что они пытаются сохранить свой союз, апеллируя к мистико-эротическому идеальному опыту их начальных отношений. Взаимными уверениями в единственности их любви, в необходимости вернуть утраченное духовное единство наполнены письма этого драматического периода. Пожалуй, наиболее точно состояние Л. Д. Блок передают ее слова, вынесенные в заголовок нашей рецензии: «К тебе, с тобой, найти себя твою опять, опять» (письмо от 22 июля 1908 г.). В них всё — и стремление вернуться, и быть с тем, кто увидел в ней воплощение идеального начала, и надежда найти себя прежнюю, блоковскую Прекрасную Даму, и в то же время тоска от неизбежности возвращения («опять, опять»). Показательно, что письма, датированные 2-м мая 1908 г. и отправленные обеими сторонами перед возвращением домой жены Блока, беременной от К. Давидовского, в последний раз подписываются «Твой» / «Твоя». Больше в переписке субстантивное местоимение, со всеми подразумеваемыми в нем значениями, не появится никогда. Но до конца останется формула прощания, впервые появившаяся в письме Любови Дмитриевны от 19 мая 1907 г. из Шахматова. Она пишет мужу, увлеченному в тот момент актрисой театра В. Ф. Комиссаржевской Н. Н. Волоховой: «Милый, целую тебя, Господь с тобой!» Это благоговящее и прощающее выражение, подхваченное Александром Блоком в ответном письме от 21 мая, станет постоянным символом их нежности и верности друг другу, несмотря на все измены и ошибки.

Затронув только один аспект — анализ эпистолярного дискурса и сконцентрировавшись на такой, казалось бы, формальности, как подпись в письмах, мы, благодаря опубликованной переписке, вышли на проблемы понимания сложных, противоречивых отношений между А. А. Блоком и Л. Д. Блок, странного феномена их любви и брака, соответствующего жизнетворческим теориям и практикам русского модернизма. Этот ракурс прочтения, конечно, далеко не единственный. Несомненно, в прекрасно подготовленном издании исследователи-гуманитарии найдут для себя богатую пищу для размышлений. Новая книга событийно значима и своим огромным научным потенциалом, и своим богатейшим иллюстративным рядом, и своими информативными сопроводительными и пояснительными материалами, создающими широчайший контекст эпистолярия. Но самое важное — это полноценное воссоздание жизненного диалога поэта и его жены, равноправной участницы и главной героини «романа в письмах». Поэтому по-настоящему радует новость о присуждении авторскому коллективу, подготовившему издание, литературной премии им. Александра Блока 2017 г., учрежденной журналом «Наше Наследие» и Государственным мемориальным музеем-заповедником Д. И. Менделеева и А. А. Блока.